

С.Л. Михеева

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОМ КОНТИНУУМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»)

Рассматривается функционирование имен прилагательных в художественном тексте с точки зрения их участия в формировании внутритекстовых причинно-следственных связей. Анализ проведен на основе текста повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей». Уточнена роль прилагательных в структурировании сюжета; определена взаимообусловленность каузальных отношений, выражаемых прилагательными, и оценочности как одной из главных смыслообразующих категорий художественного текста.

Ключевые слова: имя прилагательное; художественный текст; Л.Н. Толстой; причинно-следственные (каузальные) смысловые отношения; оценочность.

Цель настоящего исследования заключается в определении каузативного потенциала имени прилагательного как одного из главных средств формирования причинно-следственного континуума и оценочного поля художественного текста. Материалом для анализа служит текст повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей».

Художественный текст – средоточие условий для максимальной реализации функционально-семантического потенциала языковых единиц. В пространстве художественного текста слова их грамматические формы, синтаксические конструкции получают возможность для воплощения и проявления своей лексической, грамматической, семантической природы и для формирования и развития новых, изначально нетипичных свойств. Текст в принципе, а художественный в особенности, как комплексный носитель информации предназначен для структурирования этой информации в соответствии с замыслом автора. Он создается, как коммуникативно ориентированная речевая единица, на основе известного для сообщения нового (см. определения текста в [1, 2]).

Художественный текст, обладая всеми присущими данной комплексной единице свойствами (когезией, целостностью и т.д.), имеет ряд существенных специфических характеристик, делающих его неким особым структурно-семантическим и модальным единством (об отличительных особенностях художественного текста см. [1–3]). Среди них следует отметить авторскую модальность [4–6], оценочность [7–10], эмоциональность [11–14]. Обязательным компонентом семантической организации текста является сетка смысловых отношений обусловленности, пронизывающих все текстовое пространство от инициальной фразы, зачина до финала [15. С. 151]. Если говорить о способах и средствах экспликации отношений обусловленности, естественно, самым специализированным окажется синтаксический – использование сложных синтаксических конструкций, предназначенных для выражения этого смыслового аспекта; основным средством, несомненно, следует признать семантические подчинительные союзы.

В семантической структуре поля обусловленности центральным компонентом признается причинно-следственная обусловленность [15, 16], поскольку

другие аспекты данной семантики так или иначе становятся производными от значения каузативности и включают ее в трактовку своего содержательного наполнения. Причинно-следственные смысловые отношения формируют внутренний каркас художественного текста: «Тексты (по крайней мере, если не все их разновидности, то многие) буквально насыщены указаниями на обусловленность, при этом прежде всего причинными. Именно причинные указания даже и без специфической формальной маркировки способны связать между собой фрагменты текста <...> находящиеся на значительном, подчас очень значительном удалении друг от друга» [15. С. 165]. Сами отношения каузальной мотивации являются важным – если не ключевым – компонентом фоновых знаний человека о мире, и естественно, что в смысловой структуре текста этот аспект будет играть очень важную роль – в структурировании сюжетной линии произведения, в обрисовке характеров персонажей и, соответственно, мотивов их поступков, в обрисовке пространственно-временной организации мира произведения. И если иметь в виду, что художественный текст представляет собой воплощение авторского замысла и подчинен его прагматическим установкам, то закономерно предположение о тесной взаимосвязи, а в некоторых случаях о сращении причинно-следственных аспектов смысла с оценочностью, которая сама является онтологическим свойством художественного текста. Объединяющим началом и является так называемая авторская модальность – «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его *ценностных ориентаций* (выделено мной. – С.М.), сформулированных ради сообщения их читателю» [2. С. 64]. Авторская модальность лежит, таким образом, в основе формирования оценочного поля художественного текста, под которым понимается та часть общего смысла произведения, которая представляет собой результат соотнесения элементов мира произведения (персонажей, их образа мыслей и действий, обстановки, в которой эти персонажи действуют) с ценностными установками автора – создателя произведения, опирающегося на индивидуальный и коллективный опыт. Исходным организующим началом художественного текста являются, таким образом, прагматические

установки самого автора и текста – или, точнее, жанровой модели текста. Показательна в этом отношении дневниковая запись Л.Н. Толстого, связанная с замыслом повести «Отец Сергей»: «Начал Отца Сергия и вдумался в него. Весь интерес – психологические стадии, которые он проходит» [17. С. 47].

Само оценочное поле представляет собой собственно языковое воплощение авторской модальности конкретными единицами и конструкциями – от отдельных лексем до сверхфразовых единств и более крупных композиционно-стилистических фрагментов текста. Формальным средством репрезентации оценочного поля оказываются в первую очередь слова с собственно оценочным значением и, соответственно, синтаксические конструкции, воплощающие собственно оценочные суждения, в состав которых и входят оценочные слова.

Для целей настоящего исследования ограничимся именами прилагательными. В составе лексики оценочного характера адективы по сути своей и по природе семантики занимают доминантное положение. Представляется неслучайным наполнение текста повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» оценочными словами, среди которых особое место занимают имена прилагательные. Их функционирование подчинено выявлению, обнаружению и объяснению причинно-следственных отношений на протяжении всего текста, что может быть подтверждением мысли о взаимной обусловленности оценочности и каузальности. Применительно к тексту рассматриваемой повести оценка становится главным средством выражения и объяснения сюжетных поворотов, связанных с нравственным преображением главного героя. Как уже отмечено, репрезентантами этой оценки в большинстве случаев являются имена прилагательные.

Духовная эволюция главного героя, или, согласно приведенным выше словам самого Л.Н. Толстого, «психологические стадии», которые он проходит, отражаются в трансформации его имени: *Степан Касатский – отец Сергей – раб божий*, как он сам называет себя в финальной части произведения. Каждому из этих имен соответствует свой круг определений-прилагательных – от максимально детализированного описания князя Касатского до полного их отсутствия в конце повести. Здесь характеристика героя становится акциональной: образ жизни *раба божьего* представлен через повседневные, обыденные поступки, за которые он не ожидает людской благодарности. Как следствие, оценочное отношение главного героя к миру и к себе, очень ярко проявленное в его прошлой жизни, заменяется на отказ от этого, на смиренное признание верховенства Божьей воли и осознание полной собственной подчиненности ей – осознание себя *рабом божьим*.

Рассмотрим далее подробнее, каким образом имена прилагательные задействованы в формировании и структурировании сюжета и жанрово-композиционном его построении, близком канонам жития и текстам агиографического характера [18].

1. Князь Степан Касатский. Его характеристика – в детстве: *мальчик выдавался блестящими способностями и огромным самолюбием; первый по*

наукам <...> и по фронту, и по верховой езде; выше обыкновенного рост; красив и ловок; замечательно правдив; в юности: казался самым обыкновенным молодым блестящим гвардейцем, делающим карьеру, но внутри его шла <...> сложная и напряженная работа; по выходе в офицеры задался целью невозможнейшего совершенства в знании службы и очень скоро стал образцовым офицером; неудержимая вспыльчивость; достигнуть блестящего положения в высшем светском обществе; привык быть первым [19. С. 340, 342].

Определения, данные главному герою, выполняя характеризующую функцию, имеют более широкое смысловое влияние и участвуют в формировании внутритекстовых связей и причинно-следственных отношений. Качества, проявляющиеся в главном герое уже в детском возрасте и укрепившиеся в зрелом, стремление во всем быть лучшим, образцовым, блестящим, близким к совершенству – приводят его, во-первых, к поиску пути, способа войти в высший свет, что очень значимо для него; во-вторых – к поступку, который становится поворотным в судьбе главного героя, – отказу от всего, что могло сделать молодого человека богатым и преуспевающим, и уходу в монастырь. Об этом сообщается в самом начале повести – экспозиции, и характеризуется это *удивившее всех событие* соответствующими адективами: *Событие казалось необыкновенным и необъяснимым для людей, не знавших внутренних причин его; для самого же князя Степана Касатского все это сделалось так естественно, что он не мог и представить себе, как бы он мог поступить иначе* [19. С. 340]. Следующий за этим фрагмент отсылает читателя к детству и юности героя, чтобы стали понятны именно внутренние мотивы-причины его решения уйти в монастырь буквально из-под венца.

Сцена объяснения и разрыва Касатского со своей невестой строится на контрасте между идеальным представлением о ней (*Мэри была особенно хороша в белом кисейном платье; ангельская чистота невесты; требовали от жены идеальной, небесной чистоты, и эту самую небесную чистоту признавали в каждой девушке своего круга* [19. С. 343, 344]) и жестокой правдой о ее связи с императором Николаем I, потрясшей его настолько, что решение приходит мгновенно и оно бесповоротно. Объяснение решительного шага находим в стремлении героя *стать выше тех, которые хотели показать ему, что они стоят выше его; он становился на новую такую высоту* [19. С. 346]; кроме этого важным было и истинно *религиозное чувство <...> которое, переплетаясь с чувством гордости и желанием первенства, руководило им* [19. С. 346]. Синтаксическим средством, обозначающим собственно переход к следующей «психологической стадии» в развитии героя, становится сложная синтаксическая конструкция, в состав которой входит придаточная меры и степени с дополнительным смысловым оттенком следствия: *Разочарование <...> и оскорбление было так сильно, что привело его к отчаянию, а отчаяние куда? – к Богу, к вере детской, которая никогда не нарушалась в нем* [19. С. 346]. В предложении формируется один из узловых причинно-следственных

семантических комплексов, вбирающий в себя предыдущий и последующий контексты, вершина этого комплекса – связь *так сильно, что* (подробнее об этом см.: [20. С. 493–494; 21]).

2. Отец Сергей. Этот жизненный этап героя структурирован сюжетно следующими частями: монашество – затворничество – старчество (до грехопадения) – странничество. Эволюция мировоззрения прослеживается в смене оценочного фона, что можно увидеть на примере употребления прилагательных.

Время монашества, пребывания в монастыре для Касатского – это проживание в двух устремлениях: достижение *наибольшего* как *внешнего*, так и *внутреннего* совершенства; монахом он старался быть *совершенным*: *трудящимся всегда, воздержным, смиренным, кротким, чистым*, не только на деле, но и в мыслях, и *послушным* – с одной стороны; интерес же жизни состоял не только во все *большем и большем* покорении своей воли, во все *большем и большем* смирении, но и в достижении всех христианских добродетелей, которые в первое время казались ему легко достижимыми, – с другой стороны [19. С. 347]. И то и другое – следствие самой характерной черты главного героя: честолюбия, стремления во всем быть первым, достичь, насколько это возможно, превосходства над всеми остальными людьми на избранном поприще (*Как в полку он был не только образцовым офицером <...> так и монахом он старался быть совершенным <...>* [19. С. 346]). Приводит это к тому, что ему становится скучно, поскольку *все то, чего надо было достигнуть, он достиг, и больше делать было нечего и все сильнее и сильнее* стало состояние усыпления [19. С. 348]. Действует отец Сергей, пока еще подвижный гордыней. Даже преодоление мирских соблазнов для него – это возможность утвердиться в чувстве собственного превосходства над другими людьми. *Соблазн женский* он преодолевает строгим решением никуда не выезжать из монастыря; *великий соблазн* – антипатия к игумену – вылился в открытую стычку с ним, Касатский – Сергей не смог умерить свою гордыню. Следствием этого становится уход из монастыря в Тамбинскую пустынь и затворничество.

Прилагательные, включенные в данный фрагмент повести, могут быть объединены общим оценочным компонентом ‘проявляющийся в большой степени’: *наибольшее* совершенство; монах *совершенный* – *воздержный, смиренный, кроткий, чистый, послушный*; *все большее и большее* покорение своей воли, *все большее и большее* смирение; *великое* утешение и подъем *духовный*; *восторженное, умиленное* состояние; состояние усыпления *все сильнее и сильнее*; соблазн поднялся со *страшной* силой; *великий* соблазн; *великое* искушение. Эти оценочные слова формируют представление о духовном пути Степана Касатского к монаху – отцу Сергию и далее – через испытание гордостью к полному уединению для умирения этой гордости. Прилагательные репрезентируют самооценку, или, вернее, самооценивание персонажа на этом пути, собственно самооценивание и приводит его к следующему выбору – еще большему отстранению от мира людей и всего того, что ме-

шает ему стать совершенным – пока в его собственном понимании смысла этого слова. Но такое совершенство для Касатского – отца Сергия равно превосходству над другими людьми, а это плод гордыни, которую он собирается усмирить, как уже было отмечено, в уединении в келье затворника.

Жизнь в затворничестве для Сергия – постоянная борьба с самим собой, своими сомнениями: *Жизнь его была трудная <...> внутренней борьбой, которой он никак не ожидал* [19. С. 354]. Это было почти постоянным состоянием его, очень строго его самооценка: *Не величественный я человек, а жалкий, смешной* [19. С. 354]. Постоянными размышлениями и молитвами ему удается обрести *неустойчивое равновесие*; это равновесие помогают поддерживать сами движения, связанные с совершением молитвы: *опустился на колени тем привычным правильным движением, в котором, в движении самом, он находил утешение и удовольствие* [19. С. 355].

Апогеем борьбы становится эпизод с посещением кельи затворника красавицей Маковкиной, которая становится для Сергия живым олицетворением дьявольского, сильного искушения: *Сомневаться после этого в том, что это был дьявол, а не простая, добрая, милая, робкая* женщина, нельзя было [19. С. 356]. Фокус оценочности переносится во внешнюю по отношению к главному герою среду: Маковкина разглядывает затворника, обращая внимание на его внешность и пытаясь понять, что испытывает этот человек, будучи монахом, рядом с ней и к чему это может привести. Отец Сергей в восприятии женщины: *простое, благородное и страстное* лицо; *был прекрасен в ее глазах; выходящие с проседью волосы головы и бороды, правильный тонкий нос и, как угли, горящие глаза; прелестный, поразительный, странный, привлекательный* мужчина [19. С. 357–359]. Эта внешняя оценка контрастирует с внутренней самооценкой героя (см. выше) и оказывается средством перенесения внутренней борьбы героя с собственными сомнениями во внешнюю борьбу со сторонним влиянием: внутренние противоречия Сергия объективируются, если можно так выразиться, в образе женщины, сознающей свою власть над ним и пользующейся ею (*зная, что он слышит ее смех и что смех этот подействует на него именно так, как она этого хотела, она засмеялась громче, и смех этот, веселый, натуральный, добрый, подействовал на него, и именно так, как она этого хотела* [19. С. 358]). Эта женщина персонифицирует один из главных соблазнов для Сергия – соблазн плоти. И победить его возможно через плоть (выставил палец над огнем, в конце концов отрубил себе сустав указательного пальца, буквально выполнив заповедь: *Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну* (Евангелие от Матфея 5: 29)).

После этого случая затворник становится старцем-чудотворцем, способным наложением рук и молитвой исцелять *болящих*. При своем первом исцелении отец Сергей воспринимает себя как *ничтожное орудие, избранное Богом*. Но со временем – с увеличением

количества приходящих за благословением это осознание сменилось мыслью о том, что он был *светильник горящий*; *самое обыкновенное состояние его было: усталость и умиление перед собой за эту усталость* [19. С. 365]. Наступает момент, когда при нем самом вслух его называют *святым* – и это совпадает с его внутренним самоощущением. В самом начале этого превращения отец Сергей чувствовал, как *уничтожалась его внутренняя жизнь и заменялась внешней*; как *внутреннее переходило во внешнее*; ему становится *тяжело* уединение, всегда служившее возможностью самосознания, чего не хватает ему теперь. Толпа, ждущая его благословения, *была давно знакома и неинтересна*, но *приятна ему* [19. С. 364].

Трансформация внутреннего мира героя, как и ранее, представляется на основе семантической сетки имен прилагательных, формирующих для читателя смысловую почву для понимания причины грехопадения *святого* в глазах людей отца Сергея – *такого необыкновенного* угодника и прямо чудотворца. И эта семантическая сетка имеет причинно-следственную основу. Сами прилагательные становятся двунаправленным смысловым фокусом: прилагательное появляется в тексте как следствие оценки и самооценки человека, события, положения дел; оно же задает смысловую перспективу текста, предопределяя своим значением оценочный фон последующего повествования.

3. «Раб божий». Нравственное возрождение главного героя и его по-настоящему нравственное возвышение после тягостного проступка и бегства из того места, где за ним закрепилась слава как о святом и чудотворце, связано с полным переосмыслением и, как следствие, переоценкой жизни, собственного предназначения. Это происходит после встречи Сергея со своей двоюродной сестрой Пашенькой – Прасковьей Михайловной. Пашенька – *худенькая девочка, с большими кроткими глазами и жалким, робким лицом; никогда не забыть нельзя этой ее кривой, доброй, покорной улыбки* [19. С. 372]; в замужестве и вдовстве – *несчастливая, безвкусная, ничтожная и жалкая* [19. С. 373]; Прасковья Михайловна в момент встречи с ней – *старая, высохшая, сморщенная, с худой, высохшей шеей с выдающимися жилами за ушами и пучком редких полуседых, полурусых волос* [19. С. 373, 377]. Преобладающая оценочная коннотация в обрисовке образа – *жалкая, несчастная*. Именно у нее просит Сергей помощи, представ перед ней, как он сам говорит, как *не святой человек, даже не простой, рядовой человек: я грешник, грязный, заблудший, гордый грешник, хуже, не знаю, всех ли, но хуже самых худых людей* [19. С. 376]. Оценочная коннотация близка той, которая проявлена в характеристике Пашеньки. Существенным отличием оказывается оценочное отношение к окружающим людям. Для отца Сергея окружающие – это фон, на котором он взращивает и тешит собственное самолюбие: *Все это было давно знакомо и неинтересно отцу Сергию. Он знал, что от этих лиц он ничего не узнает нового, что лица эти не вызовут в нем никакого религиозного чувства, но он любил видеть их, как толпу, которой он, его благословение, его слово было*

нужно и дорого, и потому он и тяготился этой толпой, и она вместе с тем была приятна ему [19. С. 366]. В Пашеньке самоуничтожение и очень строгая самооценка уживалась с врожденной добротой и милосердием, сострадательным отношением к людям, даже к тем близким, которые отравляют ее жизнь. Это не меняет ее сущности. О себе она говорит: *прожила самую гадкую, скверную жизнь* [19. С. 376]; с пьющим мужем *были ужасные сцены* [19. С. 377]; после смерти мужа особенно *плоха, беспомощна* была [19. С. 377]; в церковной жизни не участвует, потому что *оборванной идти совестно перед дочерью, внучатами, а новенького нет*; в молитве *нет настоящего* чувства [19. С. 378]. И в то же время: *Она не могла физически почти переносить недобрые отношения между людьми. Ей так ясно было, что от этого ничто не может стать лучше, а все будет хуже. Да этого она даже не думала, она просто страдала от вида злобы, как от дурного запаха, резкого шума, ударов по телу* [19. С. 374]. И поэтому Пашенька упрекает себя в том, что *не могла успокоить* пьющего мужа. О пьянице-зятке, нигде не работающем, отзывается как о *хорошем, но только несчастном, больном человеке*; люди, не связанные с ней даже родством или мало знакомые, – это *начальник такой милый* на последнем месте работы зятя; *одна славная девочка, добрая, хорошая* девочка из числа ее учениц, с которыми она занимается музыкой; их родители – *Они все такие добрые ко мне*. И, вновь урезонивая саму себя, она говорит, что жаловаться на жизнь нет причин: *слава Богу, внуки все славные, здоровые, и жить еще можно* [19. С. 377, 378].

Этот контраст оценки других людей и самооценки Пашеньки – Прасковьи Михайловны помогают отцу Сергию осознать, в чем заключается его собственная ошибка, и выбрать свой дальнейший путь. Один из итогов этого выбора – его отказ от любого личного имени: «раб божий» отвечает он на вопрос о том, кто он, при встрече с путешественником-французом в сопровождении семьи помещика. Так же *рабом божьим* он называет себя и тогда, когда его задерживают за бродяжничество и ссылают в Сибирь. Финальная часть текста лишена явно выраженной оценочности во многом за счет того, что здесь не использованы имена прилагательные: *В Сибири он поселился на зимке у богатого мужика и теперь живет там. Он работает у хозяина в огороде и учит детей, и ходит за больными* [19. С. 381] (ср. с насыщенной оценочностью в самом начале повести, где используется большое количество аксиологически маркированных лексем, в том числе и имен прилагательных).

Резюме. Имя прилагательное в художественном тексте – это не просто одно из средств художественной выразительности или средство создания образной детализации. Область его смыслового проявления выходит далеко за рамки простой обрисовки образа. Имя прилагательное имеет самое непосредственное отношение к формированию смысловых отношений, доминантными среди которых закономерно являются причинно-следственные отношения. В смысловой организации текста имя прилагательное становится фокусом средоточия левосторонних и правосторон-

них текстовых связей, оно вбирает в себя предыдущий контекст и открывает смысловую перспективу последующего контекста для читателя. Появление какого-либо прилагательного в характеристиках того или иного компонента художественного мира произведения обусловлено логикой повествования. Само оно становится средством объяснения сюжетных поворотов, связанных с мотивами поступков персонажей. Адъективные комплексы, объединенные некой семантической основой, участвуют в формировании и структурировании сюжета и жанрово-композиционных фрагментов. Специфической особенностью

функционирования прилагательных в тексте является взаимопроникновение и взаимообусловленность в их семантике каузального и оценочного компонентов: 'герой совершает тот или иной поступок, потому что он такой-то'; 'герой такой-то, потому что он совершает те или иные поступки' – такими «наивными» формулировками можно эксплицировать этот аспект. Причинно-следственный континуум художественного текста, таким образом, формируется во многом благодаря этой специфичности имени прилагательного, семантика которого имеет, как представляется, собственно каузативную природу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 140 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 280 с.
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. М. : КомКнига, 2006. 296 с.
4. Вихрян О.Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 13 с.
5. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 1996. 22 с.
6. Кузнецова А.В. Авторская модальность художественного текста в парадигме нарратологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 164–170.
7. Чернявская Е.А. Оценка и оценочность в языке художественной речи: на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А.С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2001. 270 с.
8. Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. / под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 133–142.
9. Масленникова Е.М. Оценочность и интерпретирующий диапазон художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 39–46.
10. Клименко К.В. Оценочность как особый прием субъективации и как способ передачи авторской позиции (на материале автобиографических текстов Ю.М. Нагибина) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 215–222.
11. Акимов Г.Н. Экспрессивные свойства синтаксических структур // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. С. 15–20.
12. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Минск : Высш. шк., 1997. 156 с.
13. Прудникова И.А. Эмоциональность как категория художественного текста (на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 21 с.
14. Трубкина А.И. Эмоциональность и экспрессивность художественного текста : функционально-прагматический аспект // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. С. 219–222.
15. Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб. : Наука, 1996. С. 138–174.
16. Оркина Л.Н. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке : учеб. пособие. СПб. : САГА, 2010. 332 с.
17. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1952. Т. 51.
18. Добробабина О.Ю. Повесть Л.Н. Толстого «Отец Сергей»: трансформация житийного жанрового канона // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Сер. Філологічні науки. 2013. № 2 (6). С. 202–211.
19. Толстой Л.Н. Отец Сергей // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10: Повести и рассказы. 1872–1903. М. : Худож. лит., 1975. С. 340–381.
20. Русская грамматика : научные труды : в 2 т. / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан и др. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2005. Т. 2. 712 с. (Репринтное издание).
21. Михеева С.Л. Периферия поля обусловленности: признаковые слова при выражении причинных отношений // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, посвящ. 65-летию Виктора Юрьевича Копрова. Воронеж, 2016. С. 434–438.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2020 г.

The Adjective in the Causative Continuum of the Literary Text (Based on Leo Tolstoy's "Father Sergius")

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 19–24.

DOI: 10.17223/15617793/455/3

Svetlana L. Mikheeva, I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: mikhsvela@rambler.ru

Keywords: adjective; literary text; Leo Tolstoy; causative semantic relations; evaluation.

The aim of the research is to determine the causative potential of the adjective as one of the main means of forming the causative continuum and the evaluation field of a literary text. The material for the analysis is the story "Father Sergius" by Leo Tolstoy. In the literary text, language units have the opportunity to manifest their lexical and grammatical nature and to form and develop new, atypical qualities. An obligatory part of the semantic organization of the text is the semantic relations of conditionality that comprise the entire text from the initial phrase to the final one. In the semantic structure of the field of conditionality, the causative effect is recognized as the central element. Causative motivation relations are an important component of a person's background knowledge of the world. In the semantic structure of the text, this aspect plays a very important role in structuring the storyline, in describing the characters' personalities, and in expressing the spatial and temporal organization of the text. The peculiarity of causative relations created by adjectives is their connection and correlation with the evaluative field of the literary text. The evaluation field is the actual linguistic embodiment of the author's modality by specific units and constructions from individual lexemes to syntactic units and larger

stylistic and compositional characteristics of the text. The formal way of representing the evaluation field are words with an evaluation component of the meaning; among them, adjectives occupy a dominant position. In the story the “value” meaning conveyed by adjectives becomes the major tool of expressing and explaining the plot twists associated with the moral transformation of the main character. The moral evolution of the main character, or, according to Leo Tolstoy, the “psychological stages” that he goes through, are reflected in the transformation of his name from *Stepan Kasatsky*, to *Father Sergius* and then to *servant of God*. Each of these names has its own range of adjectives: from the most detailed adjective-based description of Prince Kasatsky to no adjective-based description at the end of the story. Here, the character is described through actions because the way of life of the servant of God is presented through routine activities. The evaluative attitude of the main character to the world and to himself, very clearly manifested in his past life, is replaced by its rejection, by the humble recognition of the supremacy of God’s will and the realization of his complete subordination to it as the realization of himself as a servant of God. The adjective in the literary text is not just a means of literary expression or of creating a figurative detail. The scope of its semantic manifestation goes far beyond a simple description of an image. The adjective is directly related to the formation of semantic relations, the dominant among which are causative ones.

REFERENCES

- Gal’perin, I.R. (1981) *Tekst kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: Nauka.
- Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow: Logos.
- Dymarskiy, M.Ya. (2006) *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst* [Problems of Text Formation and Literary Text]. Moscow: KomKniga.
- Vikhryan, O.E. (1990) *Yazykovye sredstva vyrazheniya avtorskoy modal’nosti v romane I.A. Bunina “Zhizn’ Arsen’eva”* [Linguistic Means of Expressing Author’s Modality in I.A. Bunin’s Novel “The Life of Arseniev”]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
- Popova, E.A. (1996) *Avtorskaya modal’nost’ kak sredstvo vyrazheniya antropotsentrichnosti teksta* [Author’s Modality as a Means of Expressing the Anthropocentricity of the Text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Lipetsk.
- Kuznetsova, A.V. (2019) The Author’s Modality of a Literary Text in the Paradigm of Narratology. *Aktual’nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 4. pp. 164–170. (In Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2019-4-164-170
- Chernyavskaya, E.A. (2001) *Otsenka i otsenchnost’ v yazyke khudozhestvennoy rechi: na materiale poeticheskogo, prozaicheskogo i epistolyarnogo naslediya A.S. Pushkina* [Evaluation and Evaluativity in the Language of Artistic Speech: On the Material of the Poetic, Prose, and Epistolary Heritage of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. Bryansk.
- Babenko, L.G. (2009) Otsenchnyy faktor v formirovani modal’nogo prostranstva teksta [Evaluation Factor in the Formation of the Modal Space of the Text]. In: Vaulina, S.S. & Greshnykh, V.I. (eds) *Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznanii* [Evaluations and Values in Modern Scientific Knowledge]. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University. pp. 133–142.
- Maslennikova, E.M. (2015) Evaluation and Interpretative Scope of Literary Texts. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3 (44). pp. 39–46. (In Russian).
- Klimenko, K.V. (2015) Estimation as a Particular Method of the Subjectivization and as a Way to Convey the Author’s Position (On Basis of the Autobiographical Prose by Yuri Nagibin). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 215–222. (In Russian).
- Akimova, G.N. (1988) Ekspressivnye svoystva sintaksicheskikh struktur [Expressive Properties of Syntactic Structures]. In: Bogdanov, V.V. (ed.) *Predlozhenie i tekst: semantika, pragmatika i sintaksis* [Sentence and Text: Semantics, Pragmatics and Syntax]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 15–20.
- Maslova, V.A. (1997) *Lingvisticheskiy analiz ekspressivnosti khudozhestvennogo teksta* [The Linguistic Analysis of the Expressiveness of a Literary Text]. Minsk: Vyssh. shk.
- Prudnikova, I.A. (2011) *Emotsional’nost’ kak kategoriya khudozhestvennogo teksta (na materiale romana M.A. Sholokhova “Tikhii Don”)* [Emotionality as a Category of a Literary Text (Based on the Material of M.A. Sholokhov’s Novel “And Quiet Flows the Don”)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
- Trubkina, A.I. (2017) Emotionality and Expressiveness of the Literary Text: A Functional-Pragmatic Aspect. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta – Pyatigorsk State University Bulletin*. 4. pp. 219–222. (In Russian).
- Evtyukhin, V.B. (1996) Gruppировка poley obuslovlennosti: prichina, uslovie, tsel’, sledstvie, ustupka [Grouping of Conditionality Fields: Cause, Condition, Goal, Effect, Cession]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Teoriya funktsional’noy grammatiki. Lokativnost’. Bytiynost’. Possessivnost’. Obuslovlennost’* [Functional Grammar Theory. Locality Beingness. Possessiveness. Conditionality]. St. Petersburg: Nauka, pp. 138–174.
- Orkina, L.N. (2010) *Sintaksicheskie struktury s semantikoy obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic Structures With the Semantics of Conditionality in Modern Russian]. St. Petersburg: SAGA.
- Tolstoy, L.N. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: In 90 Vols]. Vol. 51. Moscow: GIKhL.
- Dobrobabina, O.Yu. (2013) Povest’ L.N. Tolstogo “Otets Sergiy”: transformatsiya zhitiynogo zhanrovogo kanona [L.N. Tolstoy’s “Father Sergius”: The Transformation of the Hagiographic Genre Canon]. *Visnik Dnipropetrovs’kogo universitetu imeni Al’freda Nobelya. Ser. Filologichni nauki*. 2 (6). pp. 202–211.
- Tolstoy, L.N. (1975) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: In 12 Vols]. Vol. 10. Moscow: Khudozh. lit. pp. 340–381.
- Bryzgunova, E.A. et al. (2005) *Russkaya grammatika: nauchnye trudy: v 2 t.* [Russian Grammar: Research Works: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
- Mikheeva, S.L. (2016) [The Periphery of the Field of Conditionality: Attributive Words in the Expression of Causative Relations]. *Semantiko-funktsional’naya grammatika v lingvistike i lingvodidaktike* [Semantic-Functional Grammar in Linguistics and Linguodidactics]. Proceedings of the International Conference. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS pp. 434–438. (In Russian).

Received: 24 April 2020